

ФЕНОМЕН ЧУДА В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА "КУЛИКОВО ПОЛЕ"

PHENOMENON IS THE MIRACLE IN THE STORIES I.S. SHMELEV "KULIKOVO FIELD"

Bayana Hatidzhe

Annotation

This article analyzes the image of St. Sergius of Radonezh and the image of the Trinity Lavra of St. Sergius in "The Kulikovo Field" IS Shmelev. The specificity of the image of mystical reality. The types of characters thinking in relation to the faith in a miracle. Attention is drawn to the parallels of spiritual experience and religious intentions Shmelev.

Keywords: historicism, cross, Kulikovo Field, Sergius of Radonezh, the Trinity-Sergius Lavra, a miracle.

Баяна Хатидже

Аспирант; ФГБОУ ВО "Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова"

Аннотация

В настоящей статье проанализированы образ Преподобного Сергия Радонежского и образ Троице-Сергиевой Лавры в рассказе "Куликово Поле" И.С. Шмелева. Описана специфика изображения мистической реальности. Рассмотрены типы мышления персонажей в соотношении с верой в чудо. Обращено внимание на параллели их духовного опыта и религиозных интенций Шмелева.

Ключевые слова:

Историзм, крест, Куликово поле, Сергей Радонежский, Троице-Сергиева Лавра, чудо.

И.С. Шмелев писал "Куликово Поле (рассказ следователя)" с 1939 г. по 1947 г. Протяженность работы над текстом объясняется духовными исканиями писателя, поиском ответов на вопросы, поставленные в рассказе. К ним относится осмысление феномена чуда и его роли в вере. Сомнения персонажей, их принятие или непринятие чуда как реальности во многом отражают особенности религиозных интенций самого Шмелева.

Сюжет выстраивается на неординарном событии – чудесном явлении святого Сергия Радонежского в Советской России. Как пишет Н.М. Солнцева: "Чудотворность св. Сергия – основа рассказа И. Шмелева "Куликово Поле" <...>. Всё, написанное Шмелевым о Преподобном, ? пример того, как святой направляет веру писателя" [8, С. 19]. К личности Преподобного активно обращались как литераторы, так и философы, что объясняется стремлением соотнести современность с деятельностью Сергия: "Св. Сергей Радонежский в литературной и философской мысли – пример духовной цельности, гармонии религиозных ценностей и повседневных трудов, мера нравственности" [4, С. 12]. Как написал Бальмонт в присланном Шмелеву 26 мая 1928 г. стихотворении "Подвижник Руси": "Он Божий зрак и Божий слух"[5].

Хронотоп повествования включает несколько локусов (прежде всего – Куликово Поле и Троице-Сергиева

Лавра/Загорск). Пореволюционные годы связаны в рассказе с эпохой Древней Руси не только сюжетно, но прежде всего идеей одоления зла: отражение битвы на Куликовом Поле понимается как историческое предопределение победы над злом в современной Шмелеву России. В содержании рассказа выражен историзм его сознания, созвучный теме цикла А. Блока 1908 г. "На поле Куликовом" ("Наш путь – стрелой татарской древней воли / Пронзил нам путь" [2, с.342]).

В статье Блока "Народ и интеллигенция" (1908) Куликовская битва ассоциируется с 1900-ми годами; звучие этих времен – в монологе Германа в драме "Песнь Судьбы" (1908). Историзму рассказа Шмелева созвучно и содержание поэмы А. Ахматовой "Поэма без героя" (1940–1962), в которой события 1913 г. и 1930–1940-х показаны единым потоком жизни двух поколений ("Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет" [1, с.174]).

Рассказ ведется от лица следователя по особо важным делам, человека с аналитическим мышлением, привыкшего профессионально выстраивать систему доказательств и причинно-следственных связей. Помимо основного рассказчика в произведении есть второй рассказчик, объездчик Василий Сухов, чья встреча с Преподобным является предысторией основного сюжета. В судьбе Сухова переплелись события реальные (в повествование включены отношения его, подследственного, и рассказчика-следователя, помогшего ему избежать заключения и каторги, а также факты, связанные с его службой в усадьбе помещика Среднева, потомка дружинника Дмитрия Донского, и в советское время) и мистические. В 1925 г. он, в родительскую субботу накануне дня памяти св. Димитрия Салунского, видит явление Преподобного.

Связь эпох закреплена в рассказе религиозной мотивацией: "Димитриевская суббота установлена в поминовение убиенных на Куликовом Поле, и вообще усопших, и потому называется еще родительская" [10, с.136] (136). Кроме того, ей придана мистическая коннотация. Так, обнаружению на Куликовом Поле древнего креста предшествует знамение – поведение коня, которому сознание объездчика не находит логического объяснения: "Огладил Сухов коня, отпрукал... – нет: пятится и храпит", и далее: "Глянул через коня, видит: полная воды колдобина, прыгают пузыри по ней. "Чего бояться?.." – подумал Сухов: вся дорога в таких колдобинах, эта поболее только. Пригляделся... – что-то будто в воде мерцает... подкова, что ли?... – бывает, "к счастью". Не хотелось с коня слезать: какое теперь счастье! Пробует завернуть коня, волю ему дает, – ни с места: уши насторожил, храпит" (137).

Появление Сергия намеренно описано как событие реальной жизни: "Гляжу – человек подходит, посошком меряет. Обрадовался душе живой, стою у коня и жду, будто тот человек мне надобен" (138). Акцент на скромности "того человека" отвечает каноническим представлениям о Сергии: "По виду, из духовных: в сермяжной ряске, лыковый кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой, шлычок суконный, седая бородка, окладиком, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью" (138). Обы-

денность столь необычного события подчеркнута рецепцией Сухова, в страннике он "будто самого родного встретил" и обратился к нему: "Здравствуйте, батюшка!" (138).

Несоответствие обыденному минимальное. Например, в речевой характеристике странник-старец говорил "священными словами, церковными, как Писание писано" (138). Чудесному придана коннотация странно-го (старец знал о находке Сухова) или случайного совпадения (старец направляется в Сергиев Посад, там же живет Среднев, которому предназначался найденный Суховым на Куликовом Поле крест).

Далее описанное в эпизоде соотношение логики и чуда вырастает в доминирующую тему рассказа. Этот же эпизод является отправной точкой в развитии темы надежды: медный крест воспринимается Суховым как добрый знак. Этот же эпизод явления Преподобного объездчику связан с его последующим явлением в Сергиевом Посаде – в ту же родительскую субботу за четверть верст от Куликова Поля в Сергиевом Посаде – как знамением: Лавра жива вопреки унижениям 1920-х годов ("Лавру прикончили, монахов разогнали, а мощи Преподобного... Господи!.. – в музей поставили, под стекло, глумиться". Уже при первом появлении Сергий – утешитель, говорит "ласково", его церковный говор "приятен": "Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Мир ти, чадо" (138). Это назначение Сергия сохраняется на протяжении всего рассказа. Он побуждает народ "незримо возродиться в зримом умирании" (133) – так Шмелев, не называя И.А. Ильина, цитирует фрагмент его письма от 18 марта 1939 г., в котором философ рассуждает о тяжелом историческом бремени народа и о его духовной силе.

Приоритетная тема рассказа – сознание человека, оказавшегося свидетелем чуда. Восприятие рассказчиком – эмигрантом, семь лет назад покинувшим Россию, – последующих событий дано в развитии. Он – "маловер" (132, 133), получивший "духовный опыт" (132). Как он говорит о себе: "Да, я – "Фома", и не прикрываюсь. "Могий вместити..." – но большинство не может, и ему подается помощь. Я получил ее" (132). События, произошедшие в Сергиевом Посаде, и есть полученная свыше мощь, укрепившая его веру. Если изначально он понимал факт любого чудесного знамения скорее как проявление психического смысла, как характеристику воображения страдающего народа ("Страдания народа невольно дополняли знаменные явления... – это психологически понятно". 132), то впоследствии как знак, поданный верующему свыше (народ взывал к правде, "и ему подавались знаки". 132). Уже сам вид Лавры дает ему веру в "необоримую" (146) защиту, а услышанная в доме Средневых история о передавшем им крест Сергии он

принял как чудо: "...я молитвенно взывал о чуде. Да, я страстно хотел чуда, я ждал его. В моем подсознании уже само творилось оно, чудо!" (161).

В духовном опыте рассказчика мы усматриваем религиозную рефлексию самого Шмелева. Как пишет Н.М. Солнцева, писатель в 1939 г. заинтересовался теорией вероятности и в ней искал ответы на вопрос о повторяемости событий, объяснение чуда; в то же время он был озабочен тем, что не мог "постичь веры без учености", "он читал православных учителей, религиозных философов и просто философов", однако в итоге отдался на волю "религиозной интуиции" [7, с.512]. Он, создавая рассказ, убедился "в сверхматериальном смысле мощей, в реальности и даже видимости духовного бытия Сергия" [7, с.366–367]. В отличие от первого варианта рассказа 1939 г., вариант 1947 г. был убедителен, так как отразил "простоту, сердечную веру" [7, с.368] Шмелева, отступившего от доказательной логики.

В описании обитателей Сергиева Посада Шмелев противопоставляет аналитика-интеллектуала профессора Среднев и априори верящую в чудо его дочь Ольгу, одаренную религиозной интуицией.

Сухов верил просто, непосредственно, душой; он, как пишет рассказчик, "не истолковывал, не пытался ощущать, а принимал как сущее, "в себе скрытое"" (138). У Среднева приятель явления св. Сергия "происходит мучительно, с протестом, как бы с насилием над собой, с ощущением, и, в итоге, как у Фомы, с надрывом и восторгом. Это психологически понятно: празднуется победа над злейшим врагом – неверием" (140–141).

Среднев называет себя скептиком, но уважающим верующих. Свой духовный опыт он объясняет книжным влиянием, ссылаясь на труд американского психолога У. Джеймса "Многообразие религиозного опыта" (издана в России в 1910 г.). Джеймс описывал религиозные переживания как психологический опыт, вместе с тем выступал против их физиологических мотивировок и критически относился к идее приоритета науки над религией. Об отношении Шмелева к учению Джеймса мы можем судить по его переписке с Ильиным. Судя по письмам от 8 и 16 февраля 1947 г., он предпринимал усиленные поиски "Многообразия религиозного опыта" у знакомых и в Тургеневской библиотеке, где было зафиксировано "тысячи примеров "обращения"" ("Мне надо найти Джемса", "Джемса надо!", "И потому Джемса хочу" [4, с. 29, 30, 40]). Однако из письма от 3 марта 1947 г. узнаем, что сочинение Джеймса ему "ничего почти не дает, не то – и старо. И "глупости" много" [4, с. 52], что, как мы полагаем, ожидаемо, поскольку сквозная тема писем 1947 г. к Ильину – сердечная вера, подобная детской. Ильин ответил ему 18 марта 1947 г.: "Относительно Джемса – я

так и думал, что он разочарует: бездуховное коллекционирование "случаев"..." [4, с.71]. Примечателен отзыв Шмелева в письме от 20 марта 1947 г.: "Как точно Вы о книге Джемса! – "бездуховное коллекционирование "случаев"" [4, с. 77].

Поначалу всем признакам присутствия Преподобного, как и своему поведению, свидетельствующему о его невольном признании особой силы старца, он находит разумные объяснения. Так, появившееся с приходом старца чувство безмятежного покоя он воспринимает как "чувство психически понятное" (157), как известное в психологии "воздействие родственной души" (157) – Оли. Или отсутствие следов старца на снегу объясняет его ранним, еще до снега, уходом. Оля, напротив, принимает старца сердцем, его лик видит в сиянии, и аргументах отца называет надуманными. Однако хронологическое совпадение явления Преподобного на Куликовом Поле и в Сергиевом Посаде сводит на нет умственный скепсис Среднева: "Со Средневым свершалось сложнейшее и, конечно, непостижимое для него пока", он "смазал, совсем по-детски, слезы" и произнес: "– Господи!.." (163).

Все произошедшее Шмелев понимает как логически необъяснимое – "это вне наших измерений" (163).

Пример помрачения сознания дан в образе приват-доцента, ученика Ключевского; он, в хорьковой шубе без воротника, восседал на навозной куче. Его внешний портрет контрастен ("босой, гороховые штанишки, лысый, черно-коричневый с загара, запекшийся <...> лицо аскета, мучительно-напряженное <...> золотое пенсне без стекол". 146), он передает, как и его повторяющийся крик "Абсурд!.. Абсурд!!.." (146), идею погружения религиозного человека в глубины сознания, не подкрепленного верой в спасение. Он "в мыслях запутался, юродный вроде" (147). Он по-настоящему безумен, что отличает его от традиционного юродивого. Как пишет С.А. Иванов, согласно православной точке зрения, юродивый "добровольно принимает на себя личину сумасшедшего, дабы скрыть от мира собственное совершенство и таким образом избежать суетной мирской славы" или преподавать наставление в "парадоксальной форме" [3]. Местные жители, напротив, видят в приват-доценте юродивого и ожидают от несчастного, "не скажет ли подходящего чего" (147). Он назван встретившимся рассказчику Василием Степановичем, бывшим профессором Академии, "Иовом на гноище" (148), который, в отличие от библейского Иова, "мучается за всех и за вся" (148). На наш взгляд, Шмелев прежде всего предполагал создать образ трагического сознания, а тема абсурда в данном случае сопутствующая, поскольку абсурд загорской жизни и без этого персонажа очевиден рассказчику.

Антиподом представляется сознание Василия Степановича, который видит, вслед за Ключевским, смысл страданий в непрерывном обновлении бытия, верит в "потенциал огромный" (149) народа и в то, что "окаянство" не "истлит" "все клетки души и тела нашего" (149). Эта точка зрения подкреплена знанием о том, что "Преподобный – здесь, с нимсо всем народом, ходит по народу, сокрытый" (149).

Сергиев Посад описан как духовное пространство, обитель для мыслящего человека: "В. Розанов, А. Александров, Л. Тихомиров, работали в относительной тиши художники, навещивался Нестеров, решал перелом жизненного пути С. Булгаков, в беседах с Павлом Флоренским..." (145). В Сергиевом Посаде "искали душе покоя, защиты и опоры" (146). Покой и затишье запечатлены в пейзажных и бытовых описаниях. Колокольня Лавры, георгины, запах малинового варенья – эти и другие реалии сближают текст "Куликова Поля" с "Богомольем" (2011) Шмелева и "У Троице–Сергия" (1973) А. Куприна.

Во-первых, подчеркнута "живая сущность" (145), вневременность, нетленность Лавры – как нетленность святыней мощей Сергия. Во-вторых, Лавра понимается как деяние и символ "творческой народной идеи" (145), образ материальной и духовной истории народа: "Сколько пережила она за свои пять веков! Сколько светила русским людям!.. Она светилась... – и, знаете, что почувствовал я тогда, в тихом, что–то мне говорившем, ее сиянии?.. "Сколько еще увидит жизни!" (145). В-третьих, Лавра – источник духовного света, потому она "солнечно-розовая" (145), ее колокольня – "свеча пасхальная", с золотой чашей, крестом увенчанной" (145).

Символичны и "монастырские башенные часы" (146).

Но Шмелев описал амбивалентное пространство города: в нем вызрел менталитет Загорска. Если явление Сергия и вневременность Лавры воспринимаются рассказчиком как реалии, то советская повседневность – как "дурманный сон, призрак, ненастоящее" (145). Повторяющаяся в описании психики загорцев черта – глумление. Они смеются над верующими, водкой пародируют святую воду, агитируют за атеистическую лекцию, саркастически "вопят–визжат": ""Товарищи!.. Все в клуб безбожников, к обедне!.. "" (145). Характеризуют новое содержание города красноармеец в шлыке, казармы, антирелигиозный музей, а также празднование восьмой годовщины Октября, плакаты, призывы к массовой манифестации, паек от горсовета, ораторы из Москвы и т.д. Внешне устраивающемуся новому образу жизни вынесен приговор безумного приват–доцента: "Это же абсолютно... импоссибиле!.. Абсолютно!.. Абсолютно!!.. "Антэапудададверзус..." абсолютно!.. Абсурд!.. Абсурд!.." (147).

По сути, в рассказе отражены пути духовного искания интеллигенции. Путь понимается нами как "одна из наиболее значимых универсалий культуры", она связана с "представлениями о духовной динамике человека" [6]. Шмелев описал несоответствие логики и веры, порождавшее умственные споры, как и "само имя Св. Сергия было частым аргументом в полемике творческой интеллигенции"[9], ее политической и философской борьбе. Кроме того, в рассказе развернут исключительный диалог бытийный конфликт советской культуры 1920–х годов и религиозного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Поэма без героя // Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., коммент., ст. С.А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 3. С. 163–204.
2. Блок А. Река раскинулась. Течет, грустит лениво... // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Подгот. текста, примеч. Вл. Орлова. М–Л.: Гослитиздат, 1960. Т. 3. С. 249–253.
3. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
4. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / Сост., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 528 с.
5. Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву: Письма и стихотворения 1926–1936 / Сост., вступ. ст., коммент. К.М. Азадовского, Г.М. Бонгард–Левина. М.: Собрание, 2005. 431 с.
6. Степанова Н.С. Проблема духовного становления творческой личности в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Автореф. дисс. ...д. филол. н. М., 2013. 34 с.
7. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество / Н.М. Солнцева. – М.: Эллис Лак, 2007. – 512 с.
8. Солнцева Н.М. Святой Сергий Радонежский и литература XX века // Stephanos. 2014. №6. С. 12–24.
9. Солнцева Н.М. Преподобный Сергий Радонежский в восприятии писателей XX века // 700–летие преподобного Сергия Радонежского: Сб. материалов Всероссийской конференции учителей русского языка, посвященной роли преподобного Сергия Радонежского в современной России / Гл. ред. Л.В. Фарисенкова / Гос. ин–т русского языка им. А.С. Пушкина. Рязань: б.и., 2014. С. 35–41.
10. Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5 т.Т.2 / Сост., предисл. Е. Н. Осьминина. М.: Русская Книга, 1998, С. 132–166.